
ДИСКУССИИ

ГЕОГРАФИЯ НА ПОРОГЕ СЛОЖНОСТНОГО МИРА

© 2021 г. Ю. Г. Тютюнник*

Институт эволюционной экологии НАН Украины, Киев, Украина

**E-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com*

Поступила в редакцию 14.12.2020 г.

После доработки 03.01.2021 г.

Принята к публикации 11.01.2021 г.

Обсуждаются вопросы развития географической науки в исторических условиях эпохи постмодерна и постструктурализма. Показано, как понятия философского постмодернизма и постструктурализма “сложность”, “деконструкция”, “сборка” могут быть использованы в методе и методологии географии (преимущественно физической). Деконструкция создает новые исторические условия для функционирования научного метода в целом и работы географа, в частности. Сложность порождает такие объекты исследования, которые для географической науки Нового времени были методически недоступны. Сборка репрезентирует их в качестве предмета исследования. Приведены примеры интерпретации известных географических объектов с методологических и методических позиций, отличных от принятых в эпохи Просвещения и Модерна. Показана актуальность философско-методического поиска в географической науке, стремящейся исследовать сложные феномены. Введено понятие деконструктивной географии и рассмотрено ее отношение к таким направлениям, как география радикальная и конструктивная.

Ключевые слова: деконструкция, сложность, сборка, новоевропейский метанарратив, экзистенциализм, деконструктивная география

DOI: 10.31857/S0869607121010067

ВВЕДЕНИЕ

Наука в целом и география в частности стоят на пороге кардинальных трансформаций “по всем направлениям”, начиная от организации и финансирования научного труда и заканчивая философией науки, объектом, предметом и методом исследования. В текущем веке эти трансформации, по-видимому, завершатся переходом науки в иное историческое состояние. Отдельные признаки такого перехода видеть можно уже сегодня. В философии науки и науковедении говорят о “постэмпирической”, “эмерджентной”, “иронической”, даже о “патологической” науке, а некоторые науковеды (Дж. Хорган) провозглашают и “конец науки”. Стало модным употребление таких префиксов как “мета-”, “пост-”, “супер-”, “транс-”, “нео-” (в нашем цеху можно услышать рассуждения о “метагеографии”, “постгеография”, “неоландшафтоведении” и др.). Ощущение чего-то грядущего – необычного, что должно произойти в науке, связано с идущими глубинными трансформациями в сфере научного *метода*, а они, в свою очередь, провоцируются изменениями *исторических условий* работы ученого и появлением неожиданных и парадоксальных *объектов исследования*, что влечет трансформации и в области *предмета исследования*. В этой статье мы хотели бы рассмотреть и проанализировать некоторые из текущих и потенциально возможных из-

менений в условиях, методе, объекте и предмете исследования географии (преимущественно физической).

ДЕКОНСТРУКЦИЯ, СЛОЖНОСТЬ, СБОРКА

Те трансформации географической науки, о которых пойдет речь, свяжем с такими понятиями философии постмодерна и постструктурализма, как *деконструкция*, *сложность* и *сборка*, а саму географию, находящуюся в состоянии трансформаций, в рабочем порядке назовем *деконструктивной*. У читателя, вероятно, сразу же возникнет подозрение, что речь пойдет о некоей противоположности *конструктивной географии*. В некотором смысле это так. Но именно “в некотором”. На деле все сложнее (подробнее об этом ниже).

Прежде всего, обратим внимание на то, что понятие *деконструкции*, которое в современной философии связывают с именем Ж. Деррида [7], но которое восходит к учениям М. Хайдеггера и Ж. Лакана, можно понимать по-разному. В интересующей нас области – географической – самая простая трактовка деконструкции – *редукция*, давний и многократно апробированный прием научного метода. В ландшафтоведении и физической географии он известен как *геокомпонентный подход* (или даже, как писал В.Н. Солнцев, “парадигма” [22, с. 82–85.]). Более сложным примером географической деконструкции является представление геосистемы разными образами и аспектами. Сибирские географы, активно его разрабатывающие, говорят о *расслоении геосистем* [28].

Однако мы будем понимать под деконструкцией нечто существенно иное, а именно “выход” за рамки той или иной системы–геосистемы не путем ее парциальных представлений контекстами и образами, ее редукции, упрощения, разложения на составные части (элементы, геомассы, геокомпоненты, геогоризонты и др.), а путем такого ее усложнения, что для идентификации и определения возникающего в результате феномена методически вообще невозможно применить понятие системы или структуры. Такие феномены в некоторых современных философских учениях (М. Кастельс, Б. Латур, Э. Морен и др.) известны как феномены *сложностные*. Они, если выразиться словами Латура, имеют ирредукционистский характер [16], т.е. не подразумевают и не допускают никакого методического, а тем более – онтологического упрощения, “сведения к...”, “представления тем-то или тем-то” и т.д. В то же время к ним не применимы такие старые добрые понятия научного метода, как “эмержентность” и “холизм”. Очевидно, такие феномены требуют особого к себе подхода и особых, порою непривычных, методов осмысления и исследования. М. Кастельс называет их *сложностным мышлением* [13]. При этом философ подчеркивает, **что сложностное мышление ни в каком случае не является какой-либо метатеорией** (что с позиций деконструкции, как мы увидим ниже, крайне важно). С его помощью постигается разнообразие как таковое. Сложностное мышление не осуществляется согласно заранее созданным или позаимствованным правилам, а само создает правила по ходу своей реализации. В науке, как показал П. Фейерабенд [25], к такому способу мышления обращаются совсем не редко (так называемые методики *ad hoc*), но потихоньку, не афишируя, прикрываясь “железной” логикой, “строгой” объективностью, традицией или банально – авторитетом (собственным или чьим-то). Еще одной характерной чертой сложностного мышления, а значит, методологии и метода, выступает то, что оно не уходит от рассмотрения неприятных, даже очень неприятных, сторон, аспектов, контекстов, процессов и фактов. “Сложностные проблемы, – подчеркивает современный российский философ В.И. Аршинов, – это проблемы коварные, кусачие, неприрученные” [1, с. 45].

Сегодня в географии, особенно тех ее направлениях, которые позиционируют себя как “ландшафтоведение” (или близки к ним), предпринимаются попытки “на ощупь” хватить что-то такое, что было бы материальным и методическим “воплощением”

сложности. Последняя такая попытка, предпринятая львовским исследователем И.С. Кругловым в 2020 г., закончилась “рождением концепции” некоей тотальной системы [15]. С тотальностью вышло слабовато, и одной из главных причин этого является человек¹.

Ввести человека внутрь геосистемы или ландшафта в качестве составной органической части (в предельном случае биосоциального геокомпонента), методически, в принципе, несложно. Но после такого введения начинаются аксиологические и методологические неприятности. Homo sapiens, интегрируясь в ландшафт, “тянет” за собой весь сонм своих людских пороков, и они вместе с ним превращаются в органическую часть ландшафта. Из-за этого ландшафт или геосистема становятся как бы запрограммированными на саморазрушение, самодеструкцию, самопроизвольную редукцию. Ясно, что с принципом гармонии Л.С. Берга как эмерджентной “склейки” ландшафта приходится попрощаться. Очевидно также, что понятие системности при изучении запрограммированных на саморазрушение “систем” становится малоэффективным; а то, с чем сталкивается исследователь, представляется уже как явление сложностное, а не сложное или даже сверхсложное. Дальше – больше. Человек, превращаясь в органическую часть ландшафта, привносит в него также весь “антураж” своей экзистенции, как то бытие-к-смерти, абсурд, парадокс, страх и трепет. Тут методологические и аксиологические проблемы метода перерастают уже в экзистенциальные и онтологические. Ландшафт окончательно выходит из-под контроля системного мышления и попадает в поле мышления сложностного. Методически такая ситуация крайне неуютна и проблематична, поэтому большинство исследователей предпочитает рассматривать Homo sapiens'a как фактор, условие, причину, внешние по отношению к ландшафту, либо же, если все-таки признается его органическая интегрированность в ландшафт, упорно не замечать всего того абсурдистско-деструктивного “багажа”, который человек с собой носит на протяжении всей своей жизни и ни при каких условиях не бросает. Но и это еще не предел. Самое любопытное и парадоксальное происходит с самим географом – наблюдателем и аналитиком ландшафта. Он оказывается *составной частью объекта своего наблюдения*, анализа, теоретизирования, проектирования и, в конечном счете, технологического преобразования. И как в таких условиях работать? Очевидно, наблюдатель сложностного феномена и носитель сложностного мышления должен иметь какие-то особые свойства, обладать неординарными методиками, вкладывать в слово “понимать” не тот смысл, который привычен... В литературе сейчас активно обсуждается проблема такого наблюдателя [2], однако нам в статье придется опустить этот вопрос: его обсуждение замысловато и длинно. Скажем только, что одним из возможных выходов из такой непростой онтологической, эпистемологической и методической ситуации для географа, решившего использовать процедуру сложностного мышления, может быть *закрепление за субъективностью как таковой статуса ландшафтного феномена*. Первые исследования на эту тему показывают, что подобная задача, в принципе, решаема [24].

Для практической научной работы понятия “сложностный феномен” мало. “Феномены” – это вообще по философскому “цеху”. Нужна конкретизация “феномена” в “предмет исследования”. Нам представляется, что такой конкретизацией могла бы стать категория *сборки*. Она разработана Ж. Делезом и Ф. Гваттари [6] с привлечением обширного материала из самых разных областей знания – от элементарных частичек до лингвистических единиц, и уже по одной этой причине представляет несомненный интерес для использования в цехе “наука”. Понятие сборки можно использовать в тех случаях, когда такие понятия, как “система”, “структура” или “комплекс” перестают

¹ Пятнадцатью годами раньше (о чем Круглов не упоминает) проблема тотальности в географии и ландшафте рассматривалась, и при этом именно в “человеческом измерении”, украинским философом В.В. Кизимой [14, с. 201–247].

работать, или работают плохо – в случае сложности. Известный российский исследователь философии постструктурализма Я.И. Свирский подчеркивает, что сборка дает возможность соединять крайне разнородные элементы; она способна к любым формам соединения и допускает любые формы сочетания всего того, что относится к технике, природе и человеку [21, с. 882]. Для нас, географов, важно также то, что сборка имеет определенный внутренний принцип, который делает ее похожей на то, что в “мире систем” называется целостностью. Об “эмерджентности” и “холизме” речь не идет, Делез и Гваттари называют этот принцип *абстрактной машиной* и подчеркивают, что сборка эту машину “с необходимостью осуществляет” [6, с. 119]. Здесь важна эта онтологическая инверсия: не абстрактная машина обуславливает сборку, а сборка осуществляет абстрактную машину, хотя последняя, с точки зрения привычной диалектики, и является основой первой. Этот кажущийся парадокс хорошо иллюстрирует необычность и противоречивость сложного мышления, его непохожесть на “стандартные” методики. В частности, ранее мы показали, что сборка “ландшафтность” осуществляет абстрактную машину “лицевости” [23].

КРАХ НОВОЕВРОПЕЙСКОГО МЕТАНАРРАТИВА

Лишив себя возможности рассматривать человеческий фактор “геосистемно”, мы, в то же время, не расстались целиком и полностью с системностью. В русском языке есть такое хорошее слово *мир*. Оно очень полисемично. Разумеется, мир – это “состояние без войн и ссор”. Мир – это и социум, некая совокупность людей (“сельский мир”). Говорят также о мире галактик, мире кристаллов, мире насекомых, мире человека, мире детства, мире искусства, мире техники, наконец, о внутреннем мире человека. М. Хайдеггер утверждает еще, что “мир мирует”: в этом выражении “мир” артикулируется уже сам по себе, без эмпирических “уточнений”. Во всех случаях слово “мир” работает дискурсивно безотказно и, что нетрудно заметить, как самая настоящая сборка. В таком случае, вслед за И. Валлерстайном [4], правомерно будет сказать “мир-система” и “миросистема”. Но метод сложностного мышления требует деконструкции системы. Если мы направим его на миросистему в целом, то произойдет очень интересная трансформация – *крушение метанарративов и пролиферация идей*. То есть все Великие Рассказы человечества, как идеальные миросистемы и идеалы миросистем, перестанут быть великими и, размножившись (“пролиферировавшись”), создадут колоссальное разнообразие идей и методологий, лишат человеческую историю системности мировосприятия–миропонимания, оставив только мирность. В философии Постмодерна это известно как крах метанарративов (Великих Рассказов). Ж.-Ф. Лиотар, один из фундаторов философии Постмодерна, увидел в этом крахе характернейшую черту той исторической эпохи, которая получила аналогичное название (“эпоха Постмодерна”) [18]. А о пролиферации идей писал П. Фейерабенд [25]. Прямо он ее с постмодерном не связывал, но предположение, что крушение метанарративов имеет своим следствием их дальнейшую пролиферацию – сосуществование на равных в качестве простых, а не “великих”, идей и учений, вполне логично. К такому сосуществованию легко добавляются и все последующие методические “выдумки” и изобретения; ведь Великих Рассказов, препятствующих их участию в научном методе, уже нет².

Главное внимание мы уделим крушению метанарратива, который назовем *новоевропейским* или Великим Новоевропейским Рассказом. Этот метанарратив (Рассказ) имел и по сей день во многом еще имеет очень важное значение для истории. Начало Великого Новоевропейского Рассказа принято связывать с датой выхода в свет книги Р. Декарта “Рассуждения о методе” (1637 г.). Был дан старт господству таких понятий,

² Коллеги старшего поколения хорошо помнят, каким сильным тормозом для методологических и методических новаций до середины 1980-х гг. было пресловутое “единственно верное учение”.

как “рационализм” и “прогресс”, а онтологической основой новоевропейского стиля мышления было предложено считать знаменитую формулу картезианства “*cogito ergo sum*”. По существу, как выяснилось намного позже, Великий Новоевропейский Рассказ был ни чем иным как сказкой о молочных реках в кисельных берегах, но рассказанной в терминах “объективной философии” и “строго научного метода”. Это был рассказ о том, как людской разум, опирающийся на просвещение, воспитание, научно-технический прогресс (НТП), позже – на научно-техническую революцию (НТР), приведет человеческую историю к светлому будущему, и планета заживет счастливой жизнью под сенью науки и добродетели. Этот Рассказ господствовал в эпоху Просвещения и Модерна и излагался под стоны поработаемых и истребляемых народов Африки, обеих Америк, Азии и Австралии. Но масштабные *преступления против человечности* считались “временными трудностями” истории, которые Прогресс “вот-вот” преодолет.

Науке и технике в новоевропейском метанарративе отводилась особая роль: они едва ли не обожествлялись, особенно в атеистических вариантах метанарратива. Это обожествление известно как *сциентизм*.

Разумеется Великий Новоевропейский Рассказ критиковался. Первые получившие широкую известность такие попытки предпринял Б. Мандевиль, издавший в 1705 г. своей знаменитый памфлет “Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными”. Он развенчал “прогресс общества”, но очень своеобразно – утверждая, что таковой имманентно связан с человеческими пороками и во многом благодаря именно им осуществляется [19]. Через сто с небольшим лет после Мандевилля критика новоевропейского метанарратива заняла уже прочное место в философских и политических учениях, время от времени оказывая определенное влияние и на общественное сознание. Наиболее известными ее “провайдерами” были луддиты и романтики в Европе, трансценденталисты в Америке. Марксизм, хотя и возникший как научное “развитие” этой критики, в сущности, остался в плену философии Нового времени с ее прогрессистскими догматами (это, в конце концов, и привело его к политической и частично философской гибели в 1991 г.). В конце XIX–первой половине XX вв. критический взгляд на новоевропейский метанарратив креп. Особой остроты и рафинированности он достиг у О. Шпенглера (“Закат Европы”). К середине XX в. была подготовлена хорошая почва для развертывания последовательной и методически строгой деконструкции Великого Новоевропейского Рассказа. Вторая мировая война стала дополнительным к этому стимулом. Первый разрушающий удар по Рассказу нанесли философы франкфуртской школы. Знаковым стал труд “Диалектика Просвещения” М. Хорхаймера и Т. Адорно [27]. Его первое издание вышло в 1947 г. Развенчание новоевропейского метанарратива началось вовсе не в сфере деконструктивистской грамматики, или неофрейдизма, а в сфере философии истории и социальной философии, и еще до появления самого понятия деконструкции приобрело логически выверенный, строго аргументированный и систематический характер. Второе издание “Диалектики Просвещения” (1969) и другие работы франкфуртцев (“Затмение разума” М. Хоркхаймера, “Негативная диалектика” Т. Адорно, “Одномерный человек” Г. Маркузе, “Революция надежды” Э. Фромма и пр.) сделали социально-политическую и историческую деконструкцию новоевропейского метанарратива, можно сказать, бесповоротной. Адорно даже отказал ему в праве генерировать культуру как таковую. Свой вклад внесли экзистенциалисты, в частности М. Хайдеггер работой “Европейский нигилизм”. Постмодерну последней трети XX в. под развенчание мифа о прогрессе оставалось подвести только общетеоретическую или “грамматологическую” базу. Сегодня критику Великого Новоевропейского Рассказа в философии и гуманитарных науках можно считать общим местом. Порою она приобретает настолько радикальные формы, что вместо традиционного “светлого будущего”, к которому должно стремиться “человечество”, говорят о надвигании на него апокалиптического “удушающего будущего” [29].

ИЗМЕНЕНИЯ В МЕТОДЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДМЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Деконструкция новоевропейского метанарратива имела для науки важные значения. Одно из них заключалось в том, что деконструкция предоставила ученым *методологическую свободу*, на чем настаивал П. Фейерабенд [25]. Это дает им новые права, но налагает на них и новые обязанности. С одной стороны, методологическая свобода подразумевает, что ни парадигмы Т. Куна, ни позитивистские прекрипции, ни марксистские “единственно верные учения”, да и вообще весь стиль мышления и дискурса Нового времени не будут накладывать на научный поиск свои рамки и укладывать его в прокрустово ложе “правильных” методологических сценариев. С другой стороны, как ученому не заблудиться в таком пространстве свободы? Как ориентироваться в философских системах? На какие методические маяки смотреть? К истинам в какой “последней инстанции” апеллировать? Ситуация усложняется еще и тем, что у исследователя появляется методологическая возможность и одновременно вменяется в обязанность изучать такие стороны сложностных объектов, такие сочетания в сборках, какие изучать не хочется просто по-человечески. Новоевропейский метанарратив на подобные сборки накладывал методический запрет или обходил их стороной, или тривиально профанировал. В общекультурологическом и историческом плане на одну из них, крайне важную и болезненную, указал Т. Адорно, поставив, что называется, ребром, вопрос о том, как после Освенцима человеческая культура вообще возможна? “Освенцим и культура” – трагический пример сочетания экзистенциально несочетаемого...

Рассматривая современную географическую действительность, нынешнее состояние географической оболочки, пути ее развития и эволюции в аналогичном, хотя и менее резком контексте, нетрудно увидеть, что вопросы такого рода – как соединить несочетаемое? – возникают, и искать ответы на них рано или поздно придется³. Приведем примеры сложностных проблем, которые в явном или неявном виде стоят перед географической наукой.

Сценарии. Имеются в виду сценарии дальнейшего существования планеты Земля с учетом того, что сегодня *на ход всемирно-исторического процесса первостепенное и определяющее влияние начал оказывать экологический фактор* [30]. Необходимость иметь сценарии для будущего планеты, ее географической оболочки логически вытекает из концепции Земли как дома человечества, в завершенной форме сформулированной еще Ф. Рихтгофеном. Разного рода “планы преобразования природы” из недавнего прошлого, “охраны природы”, “природопользования”, “планирования” и “проектирования” пространства, территории, ландшафта и другие искусственные трансформации географической оболочки должны иметь методологическое и экзистенциальное целеполагание в виде сценария дальнейшего существования планеты и человека на ней (“футурология”). Согласно философским и методологическим нормативам Нового времени, этот сценарий должен быть позитивным. Планировать кризис и проектировать катастрофу вряд ли кто захочет, хотя в современном мире и это уже возможно. Поэтому закономерным является существование в Великом Новоевропейском Рассказе только одного такого сценария, назовем его *ad astra per aspera* и *happy end* или “сценарий-1” [23]. Им предполагается, что исторический процесс имеет трудности и сложности, но они принципиально преодолимы – с помощью просвещения, воспитания и науки. Разные идеологии предлагали и предлагают разные способы этого преодоления, но магистральная линия оставалась неизменной. Другие сценарии не рассматриваются: они просто не вкладываются в мотивацию и целеполагание,

³ Те неприглядные стороны и аспекты, которые сборка, как объект исследования географической науки, может демонстрировать, непривычность методик, вовлекаемых в орбиту сложностного дискурса; лишние методологического уюта, который так долго обеспечивался новоевропейским метанарративом – у многих коллег может вызвать по-человечески вполне понятную реакцию отторжения и стать основой для рождения мечты о Новом Просвещении [17, с. 125–126]. Увы, мечте этой сбыться не суждено.

определяемые Великим Новоевропейским Рассказом. Между тем, объективно они есть и предусматривают существование того несочетаемого, что нужно соединить (т.е. рассмотреть как “целостность”). Значит, кроме сценария *ad astra per aspera* и *happy end* возможны и другие сценарии: сценарий-2 – экологическая катастрофа, после которой выживет лишь часть людей и ими будет переосмыслено само понятие истории; сценарий-3 – после экологической катастрофы гомо сапиенс не выживет, человечество исчезнет или деградирует в какое-то неведомое состояние. 100% вероятности – это не *ad astra per aspera* и *happy end*, а “1” + “2” + “3”. Это не “движение к светлому будущему”, а “движение к светлому будущему” + “надвигание удушающего будущего”. Это сборка.

В то же время, каждый из всех трех сценариев по отдельности с классических (“системных”) позиций может быть рассмотрен. Первый – в тривиальных прогрессистских координатах. А второй или третий – с привлечением экзистенциальной составляющей в форме *страха*. Оба катастрофических сценария со второй половины 1960-х гг. по первую половину 1980-х гг. широко рассматривались на высоких академических уровнях в СССР и США. Анализировались возможные последствия ядерной войны. И.П. Герасимов по этому поводу писал: “Общий вывод (...) заставляет вообще поставить вопрос о возможности дальнейшего (после ядерной войны) существования человека как биологического вида” [5, с. 233–234]. Нужный результат был достигнут: впечатленные прогнозами ученых, политики и генералы приструнили гонку вооружений. Но в работе ученых скрывался парадокс. Для достижения нужного положительного результата они фактически апеллировали не столько к разуму (катастрофические последствия ядерной войны понять умом не сложно и без “научных выводов”), сколько к человеческому страху, инстинкту самосохранения. Но апеллировать к страху, как ограничителю разрушительных сил Прогресса, и одновременно делать на Прогресс историческую ставку, нелогично. Более того, в начале XXI в. исследователи заметили, что “практическое воплощение идеи неограниченного прогресса приводит человечество к потере инстинкта самосохранения” [3, с. 76]. Если это так, то в один не прекрасный момент фактор страха как тормоза к использованию разрушительной силы НТП-НТР может перестать работать. И, кажется, что именно такая сборка реализуется на нынешнем витке истории.

Культурный ландшафт. В концепции культурного ландшафта – одной из центральных в современной географии – считается, что “культурный ландшафт – высший уровень организации территории и ее рационального использования” [10, с. 240]. Очевидно, что культурный ландшафт – дериват культуры. А какой культуры? В культурологии имеется много ее трактовок и определений. В самом общем виде все их можно объединить в две группы, в значительной мере противостоящие одна другой, – информационную и психоаналитическую трактовки. Далее, культура имеет классовый характер, а значит, она амбивалентна по своей социальной природе. Кроме того, культуру принято делить на материальную и духовную, что далеко не одинаково отражается в культурном ландшафте. Учитывая хотя бы эти три момента, нарушающие целостность понятия “культура”, логично задать вопросом: “Какая именно культура имеется в виду, когда речь идет о культурном ландшафте?” Если мы начнем искать ответ на такой вопрос, то неминуемо столкнемся со сборкой. Вот примеры.

Дворцы и замки, соборы и крепости, парки и ансамбли – как местного значения, так и из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО – памятники не только гению зодчих и таланту мастеров, но также памятование о тщеславии и властолюбии царей и князей, банкиров и заводчиков. Они напоминают также о мытарствах, страданиях, тяжелом труде безымянного рабочего люда, клавшего свои жизни и здоровье на стройках “хозяев жизни”. То есть теневой стороной любого культурного ландшафта в большей или меньшей степени может быть людской порок и человеческая трагедия (вспомним Мандевиля). Возьмем, к примеру, великое ландшафтное творение Л. Метцеля – парк “Софиевка” в г. Умани, основанный в 1800 г. в имени и на деньги графа

С.-Ф. Щенсного Потоцкого. Магнат возводил парк для своей возлюбленной жены Софии. Та “в знак благодарности” вступила в связь с сыном Потоцкого и родила ему от него внука. Граф затосковал и в 1805 г. умер, не дождавшись завершения проекта своей жизни. Этот имевший место в истории, но не очень афишируемый сегодня факт сводит на нет мотивацию и целеполагание, подтолкнувшие Станислава-Феликса Потоцкого возводить великое ландшафтное творение для красавицы-гречанки. Во времена СССР экскурсоводы ерничали по этому поводу, не забывая также рассказать о трагедии, случившейся на строительстве парка: при проведении работ по обустройству рельефа случился обвал крупных камней, который похоронил под собой много работников. Так чему является памятником прекрасная “Софиевка” – красоте женщины или крови рабочих? Пламенной любви или распутному коварству? Гению Метцеля или каторжному труду крепостных? Сегодня на этих “или” внимание не акцентируют. Но если вспомнить об ассоциативности культурного ландшафта, убедительно обоснованной Ю.А. Ведениным, то такие “или” непременно утвердятся в статусе неотъемлемой идеальной составной части “Софиевки”. При этом разрушается изнутри сама суть эстетического начала этого выдающегося культурного ландшафта.

Более сложный пример амбивалентности культурного ландшафта находим у В.Л. Каганского [11]. Он вводит понятие *антиландшафта* и использует его для характеристики урбанизированного ландшафта г. Сарова – бывшего Арзамаса-16. По стандартной линейной ландшафтоведческой логике, антиландшафт, если таковой существует, должен бы был получиться в результате какой-то очень глубокой деградации *акультурного ландшафта* – давнего и традиционного объекта исследования антропогенного ландшафтоведения. Но г. Саров и его урбондшафт были и остаются едва ли не образцово-показательными! Здесь и природное окружение, и хорошая планировка, и спокойная социальная среда, и комфорт проживания, и высокие зарплаты, и интересная творческая работа для жителей, среди которых очень много научной и технической интеллигенции... Отчего же тогда антиландшафт? Оттого, считает Каганский, что в городе делаются атомные бомбы, несущие смерть. В образцово-показательном урбондшафте Сарова – Арзамаса-16 – культура подменяется культом – культом атомной бомбы [11, с. 229]. Связывая генезис и функционирование культурного ландшафта со смертью, В.Л. Каганский тем самым наполняет внешне вполне культурный урбанизированный ландшафт целиком и полностью негативными внутренним смыслом. Ландшафт Сарова превращается в сборку, в нем сочетается несоединимое. Разумеется, это рассуждение может быть применено к любому “закрытому” городу⁴, где делается оружие массового уничтожения.

У читателя, вероятно, сложилось впечатление о чудовищном характере сборки и ландшафта, рассматриваемого как сборка. Аксиологически и экзистенциально негативные примеры, подобные приведенным выше, наиболее эффектны и просты для понимания, но это не значит, что сборка-ландшафт представляется только несочетаемым соединением гармонии–эмерджентности со стихией лжи и смерти. Возможен и “обратный ход”, когда “плохой” ландшафт представляется “хорошим”, если его рассматривать как сборку. Среди акультурных ландшафтов одним из излюбленных среди географов примером служит *ландшафт промышленный*. Он дымит, сбрасывает стоки и “портит экологию”. Культурным его обычно не считают. И это неправильно. Во-первых, промландшафт целиком и полностью вписывается в контекст материальной культуры. Во-вторых, исторически он прекрасно может быть вписан и в контекст высокой духовной культуры. Представление об “акультурности” промландшафта – недавнее, сформировавшееся во второй половине XX в. А в конце XV в. и на протяжении практически всего XVI в. промландшафт и промобъекты находились у истоков евро-

⁴ В Российской Федерации подобные города имеют статус ЗАТО – закрытых административно-территориальных образований.

пейской *пейзажной живописи*: в те времена их, а не “природу”, любили писать мастера пейзажа. В XVIII–XX вв. промландшафт и промобъекты активно были вовлечены в архитектурный дискурс и дали жизнь самостоятельному жанру архитектурного искусства – *промышленной архитектуре*. Сегодня промобъекты являются предметом художественного осмысления в области *индустриального дизайна* и предметом исторического осмысления в сфере наследия (*индустриальное наследие*). В общем, это вполне культурные ландшафты даже по самым придирчивым меркам культур-ландшафтоведения. Геоэкология не согласна? Ну, что ж, ей можно только посочувствовать: сборка, сложность, парадокс и т.д.

Онтологические режимы. Деконструкция не является способом разрушения и преодоления культуры, дискурса, мироинтерпретации, присущих Новому времени, Просвещению и Модерну. Сложностное мышление, как выше уже подчеркивалось, ни в малейшей мере не претендует на статус “метатеории”. В состоянии Постмодерна один метанарратив сдвигается с пьедестала вовсе не для того, чтобы быть замененным другим. Постмодерн отрицает пьедесталы как таковые. Им метанарративы уравниваются в правах, переводятся в режим горизонтального (“ризоматического”) сосуществования, пролиферации. Великий Новоевропейский Рассказ перестает быть великим и становится в один ряд с другими рассказами – или Европы иных времен (например, Средних веков), или других стран и народов, цивилизаций и культур.

Такую ситуацию удобно описывать в терминах, категориях, понятиях археологии, например “археологии знания” М. Фуко или “постпроцессуальной археологии” И. Ходера, и антропологии, например “онтологического режима” Ф. Десколы. Воспользуемся последним. Понятие *онтологического режима* [8] довольно многоплановое, в чем-то родственное понятию метанарратива, но шире его (“рассказы”, по большому счету, онтологию не затрагивают). Для нашей темы самым важным является то, что онтологический режим какой-либо культуры, или даже цивилизации, формирует ее мировосприятие и миропонимание, определяет ее инвайронментальное, если так можно выразиться, сознание, характер и способы природопользования, отношение к ландшафту и поведение в нем человека. Дескола выделяет четыре цивилизационных типа онтологических режимов: а) европейский, названный им натурализмом; б) аналогизм, свойственный дальневосточными, южно-азиатским и некоторым американским (инки, майя, ацтеки) цивилизациям; в) анимизм и г) тотемизм. Последние два типа рассеяны по планете, хотя иногда (тотемизм австралийских аборигенов) могут захватывать и большие территории. Представители последних двух режимов представителями первых двух очень часто высокомерно называются “варварами” и “дикарями”; они их культуры относят к “неисторическим” и “третьим” (“страны Третьего мира”). Считается, что сторонников анимистских и тотемистских режимов нужно “цивиловать”, и они от этого станут счастливее. Обращение “дикарей” в “цивилизацию” лучше всего проводить, как заметил однажды Т. Хейердал, держа в одной руке Библию, а в другой бутылку водки. Если этого оказывается недостаточно, применяется оружие – благо “цивилизированные” страны и народы всегда могут опереться на свою техническую мощь, которой у “дикарей” нет.

Но сегодня в условиях надвигающегося удушающего будущего вдруг оказалось, что из онтологических режимов “диких народов” можно почерпнуть очень много полезных практических рецептов того, как географической оболочке избежать сценариев “2” и “3”. У них заимствуются “идеи” и “теории” для создания разного рода экоэтик, биоэтик, живых этик, анархо-примитивизмов, натуралистов, веганистов, глубоких экологий, буддистских и зеленых экономик и прочих не-новоевропейских практик поведения человека в окружающей среде, в ландшафте. Но всю эту инвайронментальную мировоззренческую пестроту чаще всего оказывается невозможным понять и принять в рамках новоевропейского метанарратива. Например, Ф. Дескола утверждает, что “диалектику” одной из главных онтологических категорий австралийского тотемизма – кате-

гории *Грезы* “трудно назвать материалистической или идеалистической” [8, с. 381]. Новоевропейский метод к работе с подобными феноменами не приспособлен. Но в условиях пролиферации серьезные теоретические и практические манипуляции с идеями “варваров” и “дикарей” вполне возможны. В этом исследователь усматривает один из возможных онтологических и эпистемологических выходов из сложившейся крайне неблагоприятной для *Homo sapiens* ситуации.

М. Хайдеггер в свое время указывал также на глубокий конфликт новоевропейского метода с тем, что господствовало в Европе до него — с мировосприятием и мироинтерпретацией Средних веков. Провоцирование и педалирование этого конфликта немецкий мыслитель даже назвал нигилизмом (*европейским нигилизмом*). Со школьной скамьи мы знаем, что Новое время пришло на смену Средним векам, как время “разума” и “света знания” взамен времени “тьмы суеверий” и “мракобесия”. Само слово “средневековье” часто употребляется в качестве мягкого ругательства. Подобный взгляд на мировосприятие, миропонимание и мироинтерпретацию средневековья легко и аргументировано опровергнет любой медиевист. Очень показательным примером глубокой оригинальности и неповторимости онтологического режима Средних веков является *алхимия*. Мы привыкли смотреть на нее как на лженауку, недонауку, псевдонауку и т.п. Никем не отрицается, что эта “недонаука” открыла массу химических веществ, химических элементов и химических реакций. Но философский камень и то “великое деяние”, которое направлялось на его поиски на протяжении тысячи (!) лет, — это типичная сборка. Известный исследователь алхимии В.Л. Рабинович характеризует ее так: “Главные составляющие “Великого деяния” — опытное рукотворное действие и натурфилософская теория, беломагический ритуал и языческое чернокнижие, схоластическое утонченное философствование и мистические озарения, истовый аристотелизм и неуклюжее варварство, добиблейские и ветхозаветные космогонии и христианская боговдохновенность, высокая литература и изощренный артистизм... Такова эта деятельность. Таков же и алхимик: ставящий опыты теоретик и теоретизирующий ремесленник-эмпирик; философ и теолог; мистик и схоласт; художник и поэт; правверный христианин и маг-чернокнижник... Но алхимия? Не наука, не искусство, не религия, не философия; но вместе с тем — и то, и другое, и третье” [20, с. 96].

Сборка “средневековая география” похожа на “великое деяние” алхимиков. Фантастические землеописания стран и народов с песьими головами, поиски Эльдorado, Фрисландии, острова Святого Брандана и других призрачных территорий сопровождалась становлением картографии и рождением практических основ того, что мы сегодня называем “полем”. Для теоретического и технического обеспечения главного метода географического исследования — *путешествия* — в 1418 г. в городах Лагуш и Сагриш (Португалия) было организовано первое статусное исследовательское и образовательное географическое учреждение, включавшее навигационную школу, обсерваторию, библиотеку, картоохранилище и даже общежитие для научного и научно-педагогического персонала. А раньше, когда Ренессанс еще ничего не предвещало — в 830 г. в монастырском скриптории в немецком г. Фульда родилась центральная категория всей географической науки — *ландшафт*. Ее рождение происходило во мраке и тиши монастырских стен, но под звон мечей на полях сражений Каролингов с вождями и царьками швабов, алеманов, саксов, ингвеонов и др.; в процессе обычного технического перевода священного текста с латыни на древневерхнегерманский и нетривиального герменевтического погружения ученых монахов-переводчиков в экзегезу этого текста; как практический ответ на нужды идеологии и политики центральной власти и как дань языческой мифопоэтике германских племен: в общем — 100% сборки. В эти же времена, во второй половине VIII—начале IX вв., выдающийся мыслитель Средневековья Алкуин учил, что человек в доме по имени “Земля” — только гость. Согласитесь, установка в контексте “природопользования” и “оптимизации среды” куда

более деликатная, чем новоевропейский инвайронментальный прагматизм, хорошо сформулированный И.С. Тургеневым устами нигилиста Базарова: “Природа не храм, а мастерская и человек в ней – работник” (“Отцы и дети”).

Вывод из сказанного таков. Если география намерена изучать сложностные объекты и явления, то она должна допустить в свою методологию то, что последней традиционно наотрез не допускалось, а именно – все способы мировосприятия и миропонимания, которые были и кое-где остаются по сей день свойственными онтологическим режимам иных стран и народов, иных исторических периодов и эпох, какими бы “дикими” и “темными” они не казались гордой новоевропейской мысли. Много усилий для этого не надо. Достаточно только перестать смотреть на методологическое и методическое *иное* высокомерно и пренебрежительно, воображая, что новоевропейский метанарратив – это истина в последней инстанции, альфа и омега научного дискурса как такового. Может быть, это и будет тем первым шагом к пересмотру европейцем, сегодня уже глобализированным, своей “метафизической сущности”, на чем в “Европейском нигилизме” настаивал М. Хайдеггер [26, с. 313].

ОТНОШЕНИЕ ГЕОГРАФИИ ДЕКОНСТРУКТИВНОЙ К ГЕОГРАФИИ РАДИКАЛЬНОЙ И ГЕОГРАФИИ КОНСТРУКТИВНОЙ

Выше, где речь шла о сложностных парадоксах культурного ландшафта, можно было заметить что география, изучая сложностные феномены, сборки, не может обойти стороной исторические и моральные проблемы социальной справедливости, эксплуатации человека человеком, классовой борьбы, классовой психологии и тому подобной “левой” атрибутики, которая совсем недавно среди предметов исследования в отечественной географии была на почетном месте, а сегодня загнана в подполье неолиберальной велеречивостью. В СССР и в странах “соцлагеря” перечисленные вопросы рассматривались в рамках официального марксизма и считалось, что они теоретически уже правильно решены. На Западе с 1960-х гг., особенно после мая 1968 г., ими стала заниматься так называемая радикальная география⁵. Обе ветви науки главное внимание уделяли территориальным аспектам названных проблем. Но одновременно, в 1970–1980-х гг., в русле радикально-географических идей стали возрастать и набирать силу разного рода критические экологические и геоэкологические теории. На Западе их высказывали и обосновывали такие общественные деятели леворадикального толка, как Брайен А. Доминик, Г. Дебор, Д. Дженсен, Дж. Драффан, Дж. Зерзан, Т. Качинский, Р. Ли, А. Нэсс, Р. Хант, Э.Ф. Шумахер и др. В СССР и в странах “соцлагеря” бум радикально-экологической философии и публицистики пришелся на перестроечное время (1985–1991 гг.), при этом после Чернобыльской катастрофы он стал лавинообразным. Значение радикальной геоэкологии в СССР после 1986 г. стало настолько большим, что она послужила одним из важных идеологических факторов распада страны [12].

Очевидно, деконструктивная география каким-то образом соотносится с радикально-географическими установками и в их социально-экономико-географическом, и в их геоэкологическом вариантах. Но какими? Те идеи радикальной географии, которые сформулированы в традициях Великого Новоевропейского Рассказа, либо продолжают эти традиции, а это, прежде всего, марксизм и либертарианство во всем их многообразии, – такие идеи деконструктивной географией приняты и поняты быть не могут по определению. Но те радикально-географические моменты, которые выходят за пределы новоевропейского метанарратива, – это, безусловно, поле ее интереса. О некоторых из таких идей иногда говорят – с насмешкой и пренебрежением, что они-

⁵ При желании радикально-географические идеи можно проследить у таких выдающихся географов второй половины XIX–начала XX вв., как П.А. Кропоткин, Л.И. Мечников, Ж. Элизе Реклю. Как известно, по политическим взглядам они были анархистами.

де проповедуют движение “назад – в пещеры!”. Грубо и крайне утрировано, но симптоматично. Во всяком случае, вектор уловлен правильно: “назад”, “вбок”, “вниз” или еще куда-то – неважно; важно то, что он – не в направлении к обещанным Прогрессом молочным рекам с кисельными берегами, протекающими в райских культурных ландшафтах...

То радикально-географическое исследовательское поле, в котором находится рабочее место географии, изучающей сложностный мир, может быть очерчено таким образом.

Еще в 1947 г. М. Хоркхаймер и Т. Адорно писали: “На насилии, под каким бы покровом легализма оно не было сокрыто, покоится в конечном счете социальная иерархия. Господство над природой воспроизводится в человеческом обществе” [27, с. 137]. Эта мысль очень быстро стала популярной среди левых радикалов (особенно после второго издания “Диалектики Просвещения” в 1969 г.) и была многократно повторена и переформулирована ими в разных формах, нередко в очень категорических и бескомпромиссных (например, участники Фронта освобождения Земли или Фронта освобождения животных). Более того, ее справедливость начала подтверждаться фактами, установленными в антропологии [8], археологии [31], экономике [30]. Генезис социального насилия по схеме “насилие над природой → насилие над себе подобными” уходит вглубь тысячелетий и теряется где-то в ментальности первобытного человека и в его первой квазисоциальной организации – стаде. Будучи обусловленным такими формами инстинктивного поведения, как зоологический индивидуализм и территориальность, он, этот генезис, имеет глубокие биологические корни. А поскольку чем более “цивилизованным” является общество, тем в более изощренных и массовых разновидностях насилия оно реализует свое историческое бытие, можно отчасти согласиться и с утверждениями, что история “человечества” по сей день пребывает в фазе биологической эволюции вида *Homo sapiens*. Поэтому вектор “назад в пещеры!”, т.е. “назад к зоологическому индивидуализму!”, не срабатывает. Нужен *иной вектор*. Какой? Вопрос сложный и никак не упрощенный до издевательского огрубления. Он – главный в том радикальном контексте, который изобретается географической наукой, стоящей на пороге сложностного мира.

Взаимоотношение деконструктивной географии с географией конструктивной – сложное, нелинейное, неоднозначное, во многом обусловленное теми радикальными моментами, о которых было сказано. Самое простое – формально интерпретируя префикс “де-”, видеть в деконструктивной географии антипод конструктивной. В какой-то мере оно так и есть. В свое время А.Г. Исаченко, подвергая критическому разбору “детисце” И.П. Герасимова – конструктивную географию, писал, что одной из важнейших причин ее возникновения была “реакция системы географических наук на развертывание научно-технической революции” [9, с. 361]. Значит в контексте прогрессистских установок и безоглядной веры в НТП география деконструктивная так и выступает антиподом географии конструктивной.

Но цель деконструкции, как говорилось, не состоит в тотальном разрушении того или иного метанарратива с целью постановки на его место другого. Ее цель – разрушение пьедесталов, на которые могли бы взбираться рассказы, стремясь возвыситься и стать Великими. Географическая деконструкция, ставящая целью исследовать территориальные аспекты сложностного мира, должна стремиться перевести методы изучения ландшафта, начиная от фации и заканчивая ландшафтной оболочкой, из плоскости конструктивизма–системности в многомерное пространство деконструкции и пролиферации, с последующим выходом на иные практики природопользования, в которых понятия и природы и пользы приобретут совершенно другие значения. Какие именно? Этот вопрос оставим на будущее. Пока же подчеркнем, что в таком контексте деконструктивная география выглядит более чем конструктивно.

Такой разворот был бы полезным для географической науки, ибо, по нашему мнению, конструктивная география в нынешней ее форме наделала в нашем цехе много

бед⁶. Необходимость деконструкции конструктивной географии обусловливается рядом причин, главными из которых нам представляются следующие. Во-первых, методологическая установка конструктивной географии — жесткий прогрессизм, стопроцентная опора на новоевропейский метанарратив. Если мы от него отказываемся, то конструктивная география своей философско-методологической опоры лишается.

Второе: конструктивная география — это, по существу, не что иное как терминологическое перелицовывание без особой практической нужды (о теории речь можно и не заводить) научных и научно-технических направлений, бытовавших в географии исстари и существующих в ней по сей день под другими названиями. А.Г. Исаченко, изучая наследие выдающегося географа и лесовода Г.Ф. Морозова, приводит такую цитату из его работ: “Вся мелиорация от начала до конца, во всей совокупности и во всех частностях, есть не что иное, как сама география, живая, деятельная, желающая не только познавать, но и деятельно работать в области культурных задач человечества” (цит. по [9, с. 271]). Во времена Морозова не было термина “конструктивная география”, но вполне ясно, что он по существу говорит именно о ней (“деятельная география”). Фактически ставился знак равенства между объектами и задачами мелиорации и конструктивной/деятельной географии. Мысль Морозова не трудно пролонгировать на градостроительство и архитектуру, районную планировку и территориальный менеджмент, проектирование ландшафтов и рекультивацию, мониторинг и заповедное дело и так далее — во многие и многие области прикладного географического знания, из которых конструктивная география “изымает” объект и предмет исследования, украшает их специфической терминологией и делает “своими”.

Третье: понятие *конструкции*, являющееся для конструктивной географии базисным, для изучения сложного мира мало полезно. Выше уже об этом говорилось. Конструкция по своей природе рациональна: она не терпит элементов, частей и факторов саморазрушения, она не приемлет ничего иррационального и абсурдного. А сложный мир географии все это в себе содержит. Не вкладывающиеся в “системное мышление” экзистенциальные по своей природе моменты географами-конструкторами стойко обходятся стороной, с завидным упорством не замечаются. Но в практике природопользования, которую конструктивная география берет за “курировать”, все они проявляют себя в полной мере, и это сводит на нет усилия по созданию (хорошо, если только теоретическому) географических, геоэкологических, ландшафтных конструкций. Простой пример: так называемое *устойчивое развитие* (“сбалансированное”, “самоподдерживающееся” и пр.). Прекрасная рациональная идея! Если бы не одно “но”. Имплицитно эта идея подразумевает то, что в марксизме заслуженно-саркастично называлось классовым миром, а неолибералы по-иезуитски лукаво величают “социальным партнерством”. Тезис о классовом мире/социальном партнерстве — это что? Мечта, теория, цель или ... простой обман масс? Пропагандистский жупел? неолиберальная мифологема, бросаемая, как кусок пенопласта, тонущей в алчности истории и захлебывающейся в продуктах капиталистической “цивилизации” географической оболочке? По мнению автора — второе.

⁶ Такое утверждение — не гипербола. В условиях Украины сохранилась старая советская номенклатура специальностей: 11.00.01 — “физическая география геофизика и геохимия ландшафтов” и 11.00.11 — “конструктивная география”. В 2010-х гг. на фоне колоссального размножения диссертационных спецсоветов по второй специальности, советы по первой специальности исчезали. Эти процессы по не совсем понятным причинам стимулировались известными украинскими географами (П.Г. Шищенко, Я.Б. Олійник и др.). По состоянию на начало 2021 г. постоянно действующих советов категории “Д” по специальности 11.00.01 в Украине нет. Специальность “физическая география” отмирает. Причина перекоса, приведшего к столь нежелательному результату проста: специальность 11.00.11 — это по существу технические науки, тогда как специальность 11.00.01 — фундаментальная. Соблазненный облегченным вариантом защиты в области технических наук, соискатель и аспирант в минувшее двадцатилетие массово шел в “конструкторы”. Ландшафтоведческие же кадры тем временем естественным образом уходили в лучший мир. И сегодня география в Украине стоит перед вполне реальной опасностью исчезновения первой географической специальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

География, стремящаяся понять и изучить сложностный мир – это география грядущих и в определенной мере уже текущих исторических условий, география времени постмодерна и постструктурализма, география не достигаемого светлого, а наступающего удушающего будущего. Объекты и предметы ее исследования парадоксальны в силу экзистенциальных, аксиологических и некоторых онтологических причин. Они в принципе не могут быть избавлены от абсурдных, циничных, деструктивных моментов тех форм человеческого бытия, которые известны Истории (в новоевропейском понимании) на планете Земля (в том же понимании). Поэтому география, обращаясь к изучению сложностных территориальных, геоэкологических, ландшафтных, явлений, вынуждена апеллировать к необычным и непривычным исследовательским методам. Эти методы в науке Нового времени не практиковались или считались маргинальными, третьестепенными, недостойными внимания. Важными составляющими таких методик являются деконструкция и пролиферация. Деконструкция принципиально лишает науку твердой и однозначной исторической и философско-методологической опоры в виде какого-либо метанарратива (в первую очередь, новоевропейского), а пролиферация создает условия для уравнивания в функциональных, дискурсивных и гносеологических правах любых методов исследования. Она легитимизирует методики *ad hoc*. Деконструктивная география, изучая сложностные объекты, в обязательном порядке уделяет внимание острому, противоречивым, болезненным, неразрешимыми социальным и экономическим проблемам. При этом она не опирается на какую-либо идеологию и “куруемый” ею метод. Такая география имеет устойчивые признаки географии радикальной. Деконструктивная география выступает своеобразным “преодолением” географии конструктивной в том плане, в котором проявляется самонадеянность и снобизм последней, когда решения жизненно важных географических проблем громко декларируются, но до реализации в конкретной географической практике не доводятся. Ни география, ни любая другая наука от изучения сложностных феноменов – сборок, объектов радикально иного мира (миров) – не сможет уйти, абстрагироваться, спрятаться в методологический уют Великого Рассказа Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аршинов В.И.* На пути к сетцентричному пониманию сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2018. № 3. С. 34–55. Электронный научный журнал: <http://cmp.esgae.ru> (дата обращения: 25.12.20).
2. *Аршинов В.И., Севрский Я.И.* Сложностный мир и его наблюдатель // Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84 (часть 1); 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91 (часть 2).
3. *Баженев Л.Б.* Анализ антисциентистских тенденций в общественном сознании // Будущее фундаментальной науки: Концептуальные, философские и социальные аспекты проблемы. М.: КРАСАНД, 2011. С. 75–87.
4. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. М.: УРСС ЛЕНАНД, 2018. 304 с.
5. *Герасимов И.П.* Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М.: Наука, 1985. 248 с.
6. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии / Пер. с фр. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
8. *Дескола Ф.* По сторону природы и культуры / Пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
9. *Исаченко А.Г.* Избранные труды (К 90-летию со дня рождения). СПб.: Изд-во “ВВМ”, 2012. 486 с.
10. *Исаченко А.Г.* Ландшафтная структура Земли, расселение, природопользование. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2008. 320 с.
11. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
12. *Кара-Мурза М.Г.* Потерянный разум. М.: Алгоритм, 2005. 704 с.

13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
14. *Кизима В.В.* Тоталлогия (философия обновления). К.: Издатель ПАРАПАН, 2005. 272 с.
15. *Круглов Г.* Трансдисциплінарна геоєкологія. Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2020. 292 с.
16. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с.
17. Лейтмотивы географических исследований: Каковы они и нужны ли нам? (Материалы семинара (круглого стола): А.В. Дроздов, В.Л. Каганский, Е.Ю. Колбовский, А.И. Трейвиш, В.А. Шупер) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 3. С. 118–128.
18. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. М.: “Институт экспериментальной социологии”; СПб: “Алетейя”, 1998. 160 с.
19. *Мандевиль Б.* Возроптавши улей, или мошенники, ставшие честными: пер с англ. // А.Л. Субботин, Б. Мандевиль. М.: Мысль, 1986. С. 117–130.
20. *Рабинович В.Л.* Алхимия как феномен культуры // Природа. 1973. № 9. С. 86–97.
21. *Свирский Я.И.* На пути к “сложностному” мышлению: Послесловие // Ж. Делез, Ф. Гваттари. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 872–889.
22. *Солнцев В.Н.* Системная организация ландшафтов: (Проблемы методологии и теории). М.: Мысль, 1981. 239 с.
23. *Тютюнник Ю.Г.* Ландшафт и ландшафтность. К.: Институт эволюционной экологии НАН Украины, 2019. 124 с.
24. *Тютюнник Ю.Г.* О ландшафтной природе субъективности // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 194–203.
25. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки / Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1986. 542 с.
26. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии: переводы. М.: Прогресс, 1988. С. 261–313.
27. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Дialeктика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М.–СПб: “Медиум”, “Ювента”, 1997. 312 с.
28. *Черкашин А.К., Истомина Е.А., Владимиров И.Н., Мядзелец А.В., Мясникова С.И., Солодянкина С.В., Трофимова И.Е., Фролов А.А.* Гомология и гомотопия географических систем. Новосибирск: Изд-во “Гео”, 2009. 351 с.
29. *Чоран Э.-М.* Выпасть из времени // Апокалипсис смысла: Сборник работ западных философов XX–XXI вв.: переводы. М.: Алгоритм, 2007. С. 123–132.
30. *Эткинд А.* Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 504 с.
31. *Hodder I.* The Domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies (Social Archaeology). Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 330 p.

Geography on the Threshold of World of Complexity

Yu. G. Tyutyunnik*

Institute of Evolutionary Ecology, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

**E-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com*

The issues of the development of geographical science in the historical conditions of the postmodern and post-structuralism era are discussed. It is shown how the concepts of philosophical postmodernism and poststructuralism “complexity”, “deconstruction”, “arrangement” can be used in the method and methodology of geography (mainly physical geography). Deconstruction creates new historical conditions for the functioning of the scientific method in general and the work of the geographer in particular. Complexity gives rise to such objects of research that were methodically inaccessible for the geographical science of modern times. The “arrangement” represents them as a subject of research. Examples of interpretation of well-known geographic objects from methodological and methodological positions, different from those adopted in the epochs of Enlightenment and Modernity, are given. The relevance of the philosophical and methodological search in geographical science, which seeks to explore phenomena of complexity, is shown. The concept of deconstructive geography is introduced and its relation to such areas as radical and constructive geography is considered.

Keywords: deconstruction, complexity, arrangement, new European metanarrative, existentialism, deconstructive geography

REFERENCES

1. *Arshinov V.I.* Na puti k setecentrichnomu ponimaniju slozhnostnosti // Slozhnost'. Razum. Postneklassika. 2018. № 3. S. 34–55. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal: <http://cmp.esrae.ru> (data obrashcheniya: 25.12.20).
2. *Arshinov V.I., Svirskij Ja.I.* Slozhnostnyj mir i ego nabljudatel' // Filosofija nauki i tehniki. 2015. T. 20. № 2. S. 70–84 (chast' 1); 2016. T. 21. № 1. S. 78–91 (chast' 2).
3. *Bazhenov L.B.* Analiz antiscientistskih tendencij v obshhestvennom soznanii // Budushhee fundamental'noj nauki: Konceptual'nye, filosofskie i social'nye aspekty problemy. M.: KRASAND, 2011. S. 75–87.
4. *Vallerstajn I.* Mirosystemnyj analiz: Vvedenie / Per. s angl. Izd. 2-e, ispr. M.: URSS LENAND, 2018. 304 s.
5. *Gerasimov I.P.* Jekologicheskie problemy v proshloj, nastojashhej i budushhej geografii mira. M.: Nauka, 1985. 248 s.
6. *Del'oz Zh., Gvattari F.* Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija / Per. s fr. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. 895 s.
7. *Derrida Zh.* O grammatologii / Per. s fr. M.: Ad Marginem, 2000. 512 s.
8. *Deskola F.* Po storonu prirody i kul'tury / Per. s fr. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 584 s.
9. *Isachenko A.G.* Izbrannye trudy (K 90-letiju so dnja rozhdenija). SPb.: Izd-vo "VVM", 2012. 486 s.
10. *Isachenko A.G.* Landshaftnaja struktura Zemli, rasselenie, prirodopol'zovanie. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta, 2008. 320 s.
11. *Kaganskij V.L.* Kul'turnyj landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo: Sb. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 576 s.
12. *Kara-Murza M.G.* Poterjannyj razum. M.: Algoritm. 2005. 704 s.
13. *Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura / Per. s angl. M.: GU VShJe, 2000. 608 s.
14. *Kizima V.V.* Totallogija (filosofija obnovenija). K.: Izdatel' PARAPAN, 2005. 272 s.
15. *Kruglov I.* Transdyscyplinarna gejekologiz. L'viv: LNU im. Ivana Franka, 2020. 292 c.
16. *Latur B.* Novogo vremeni ne bylo. Jesse po simmetrichnoj antropologii / Per. s fr. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt- Peterburge, 2006. 296 s.
17. Lejtmotivy geograficheskikh issledovanij: Kakovy oni i nuzhny li nam? (Materialy seminaru (kruglogo stola): A.V. Drozdov, V.L. Kaganskij, E.Ju. Kolbovskij, A.I. Trejvish, V.A. Shuper) // Izv. RAN. Ser. geogr. 2017. № 3. S. 118–128.
18. *Liotar Zh.-F.* Sostojanie postmoderna / Per. s fr. M.: "Institut jeksperimental'noj sociologii", SPb: "Aletejja", 1998. 160 s.
19. *Mandevil' B.* Vozroptavshi ulej, ili moshenniki, stavshie chestnymi: per s angl. // A.L. Subbotin, B. Mandevil'. M.: Mysl', 1986. S. 117–130.
20. *Rabinovich V.L.* Alhimija kak fenomen kul'tury // Priroda. 1973. № 9. S. 86–97.
21. *Svirskij Ja.I.* Na puti k "slozhnostnomu" myshleniju: Posleslovie // Zh. Del'oz, F. Gvattari. Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija / Per. s fr. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: Astrel', 2010. S. 872–889.
22. *Solncev V.N.* Sistemnaja organizacija landshaftov: (Problemy metodologii i teorii). M.: Mysl', 1981. 239 s.
23. *Tyutyunnik Yu.G.* Landshaft i landshaftnost'. K.: Institut jevoljucionnoj jekologii NAN Ukrainy, 2019. 124 s.
24. *Tyutyunnik Yu.G.* O landshaftnoj prirode sub'ektivnosti // Voprosy filosofii. 2020. № 3. S. 194–203.
25. *Fejerabend P.* Izbrannye trudy po metodologii nauki / Per. s angl. i nem. M.: Progress, 1986. 542 s.
26. *Hajdegger M.* Evropejskij nigilizm // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii: perevody. M.: Progress, 1988. S. 261–313.
27. *Horkhajmer M., Adorno T.* Dialektika Prosveshhenija. Filosofskie fragmenty / Per. s nem. M.–SPb: "Medium", "Juventa", 1997. 312 s.

-
28. *Cherkashin A.K., Istomina E.A., Vladimirov I.N., Mjadzelec A.V., Mjasnikova S.I., Solodjankina S.V., Trofimova I.E., Frolov A.A.* Gomologija i gomotopija geograficheskikh sistem. Novosibirsk: Izd-vo "Geo", 2009. 351 s.
 29. *Choran Je.-M.* Vypast' iz vremeni // Apokalipsis smysla: Sbornik rabot zapadnyh filosofov XX–XXI vv.: perevody. M.: Algoritm, 2007. S. 123–132.
 30. *Jetkind A.* Priroda zla. Syr'jo i gosudarstvo. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 504 s.
 31. *Hodder I.* The Domestication of Europe: Structure and Contingency in Neolithic Societies (Social Archaeology). Cambridge, Mass.: Basil Blackwell, 1990. 330 p.